

Специфика жанра семейной хроники в отечественной прозе 1930–1950-х гг.

Статья посвящена исследованию специфики семейных хроник 1930–1950-х гг. Анализируются романы В. Шишкова, В. Кочетова, Г. Маркова, в которых художественное время представлено через жизнь нескольких поколений, история страны соотносится с историей рода.

Ключевые слова: жанр, семейный роман, семейная хроника, традиция

Как нам неоднократно приходилось отмечать [1; 2; 6; 7], в русской литературе XIX–XX вв. формируется жанровая традиция семейного романа, важной вехой которого становятся 1930–1950-е гг. Именно в этот период семейная хроника обретает новое значение «в качестве сюжетно-типологической основы. Динамика экономического развития превращала семью в репрезентативную единицу сложных общественных процессов» [3]. Во главу угла ставится «изображение истории рода, семьи, семейного быта, нравов, демонстрация через частное и автобиографическое в жизни одной семьи закономерного и типического в жизни всего общества или целого поколения» [6, с. 286]. Для семейных хроник характерен принцип четкой хронологии, наличие линейного повествования, датировка событий, соотношение событий романа и событий истории. Семейная хроника представляет художественное время через жизнь двух-четырёх поколений, что охватывает серьёзный период в истории. Отсюда происходит неизбежное соотношение истории страны с историей рода: крупные события, присутствующие в романе, находят отражение в жизни отдельной семьи. Благодаря такому приёму писатели предлагают иной взгляд на историю, которая как бы сжимается и очеловечивается в сознании автора и читателя.

Наиболее примечательна в данном контексте «Угрюм-река» В. Я. Шишкова. Здесь отрыв от семьи осмысливается как точка невозврата. События романа разворачиваются в Сибири. В центре – судьба семьи Громовых. Основная линия романа построена на теме проклятого рода. Связывается это со старшим представителем – Данилой Громовым, который, умирая, исповедуется сыну в своём грехе – разбойных грабежах, благодаря которым сумел накопить капитал: «Ну, прости меня, душегуба. Разбойник я...» [8, с. 21]. Как отмечает Т. В. Закаблукова, «греховная жизнь предка становится в будущем причиной бед потомков, что обусловило появление в тексте сквозного мотива греха» [3]. Действительно, греховная жизнь Данилы Громова отражается на его роде – сын Пётр спивается, внук Прохор отрицает патриархальные семейные устои: «Пребывание в семейном быту для них

тяжко, а выход быта трактуется как освобождение» [3]. Прохор является человеком предприимчивым и расчётливым. Его мир формируется под воздействием капитализма, буржуазных отношений конца XIX – начала XX века. Разрыв с корнями обусловлен тем самым богатством Данилы Громова, нажитым через преступные действия. Проклятие рода показано наиболее ярко в тот момент, когда Прохор возвращается к своим истокам и понимает, что время упущено. «Падение» Прохора Громова ставит проблему ответственности личности перед обществом и историей, осмысление же героем «жизненных коллизий приводит его, с одной стороны, к духовному возрождению, с другой (в связи с замыслом писателя) – к физической гибели» [3]. Прохор женат, однако скоропостижная гибель обрывает родовое древо Громовых.

Роман Г. М. Маркова «Строговы» повествует о жизни батрацкой семьи Строговых в поселке Волчьих Норы. Здесь главная коллизия состоит в борьбе бедного слоя общества с купцами. Чётко определена линия «протагонист – антагонист»: Матвей Строгов и Демьян Штычков. Примечательно то, что автор романа в центр конфликта между героями ставит женщину: Анна, жена Матвея, – верная жена, радеющая за сохранение дома и земли, подлинная хранительница семейного очага.

Захар Строгов, представитель старшего поколения, некогда покупает пасеку в таёжной местности рядом с Волчьими Норами. Здесь обосновывается семья Строговых. У Захара с женой Агафьей рождаются двое сыновей. Старший сын Влас, будучи молодым человеком, переезжает в город и работает в трактире. Младший же сын Матвей живёт в доме отца, занимается охотой, здесь же заводит семью с Анной Юткиной. Родители Анны против этого брака, поскольку жизнь с сыном пасечника невыгодна для богатых Евдокима и Марфы Юткиных. Тесная дружба отца Анны с Демьяном Штычковым однажды приводит к страшному эпизоду, когда Матвея чуть не задирает медведь (ситуация была подстроена Евдокимом и Демьяном). Однажды, осматривая лес, Матвей и его дядя (дед Фишка) обнаруживают труп мужчины, при котором оказывается свёрток с золотом, добытым где-то в этой же местности. С этого момента в Волчьих Норах начинается «золотая лихорадка». Найденное золото мыслится как проклятье для дома Строговых. В жажде владеть несметными богатствами люди предают друг друга, гибнут. В леса наведываются чужаки с целью обнаружения приисков. То есть нарушен многовековой покой сибирской глуши.

В жизнь главных героев, как это присуще семейному повествованию, вмешиваются внешние обстоятельства: во-первых, пятилетняя служба Матвея в рядах царской армии, во-вторых, революционные события 1905 года, определившие судьбу главного героя (выбирает сторону революционеров). Временный отъезд Матвея из родного дома ради спасения друга предопределяет многие события, происходящие впоследствии. Возвращение Матвея к семье омрачается страшным и непоправимым событием, которое становится главным толчком к протесту, – гибелью Захара Строгова. И буквально следом за этим автор вводит в повествование знаковое событие: «Не успели

Строговы оплакать Захара, как на них обрушилось новое несчастье: в подвалах начала гибнуть пчела» [5, с. 226]. Пчелы – символ труда, жизни и достатка – погибают вместе с главой семьи, Захаром Строговым. Как следствие, семья лишается средств к существованию. Всё это вместе с требованием купцами оплаты долга становится моментом истины для Матвея, когда он решается на радикальные действия: «Что Зимовской? Разве дело только в нем? Доведись ему найти что-нибудь, так мигом нагрянут всякие прибыткины и кузьмины. Тут надо бить наверняка, всех разом. Народ надо против них поднимать. Вот о чём я» [5, с. 232]. Матвей вовлекается в классовую борьбу, к нему «потянулись мужики» [5, с. 233]. Герои переживают Первую мировую войну, революцию, и повествование постепенно близится к событиям Гражданской войны.

Максим и Артём – самоотверженные большевики – живут по принципам своего отца Матвея Строгова, отстаивая честь семьи и земли, на которой они живут. Девушка Артёма, Маша, погибает от рук Демьяна Штычкова, но у молодого человека есть шанс создать семью с девушкой Дуней. Максим же полностью отдаёт себя классовой борьбе. Изображая противостояние крестьянской семьи и ненасытных купцов, автор, во многом не свободный от известных идеологических постулатов, рисует борьбу с помещиками и капиталистами. Крестьяне изображаются как люди забитые и заграбленные, жаждущие вырваться из-под гнёта «сильных мира сего», но при этом противостояние Матвея Строгова становится естественным действием в целях сохранения дома и семьи, а также главным предназначением мужчины, вне зависимости от идеологической «составляющей». Таким образом, первостепенной оказывается защита рода, семьи.

Со строительством нового социалистического общества, в основу которого заложена идея труда на благо Родины, самоотверженная отдача общему делу, полезность абсолютно каждого человека в процессе устройства жизни, идея единства и верности своей стране, зарождается новый тип семьи – пролетарский. Центром средоточия сил такой семьи становится общее дело, передающееся из поколения в поколение, что наиболее отчетливо представлено в романе В. Кочетова «Журбины», изображающем несколько поколений кораблестроителей, возглавляет которые глава клана – дед Матвей: «Того и гляди праправнуков патриарх дождётся» [4, с. 25]. Повествование романа открывается важнейшим событием для семьи как части мира – рождением нового человека. Ребёнок – это символ нового, новых надежд, веры в процветание и продолжение жизни. Для Журбиных же, как образцовой советской семьи, рождение ребёнка является чем-то ещё более значимым, даже патетически значимым: «Рабочий человек родился» [4, с. 4]. Центральной в романе становится идея «журбинства»: «До чего злая журбинская порода, не терпит женского пола – да и только!» [4, с. 266].

Заметим, что в семейной хронике Г. Маркова особую роль играет хронотоп дома. Именно родительский дом, как и в классических семейных

романах, становится здесь надежным пристанищем и надежной защитой: «В семье Журбиных сложилась традиция не покидать родительского крова: под ним хватало места всем, и никто никого не принуждал поступать против воли» [4, с. 129]. При этом, следуя задачам соцреалистического искусства, В. Кочетов расширяет сакральное пространство дома до человеческого «общежития» (журбинский дом открыт для всех), сочетая мысль о «династийной замкнутости» с идеей превращения всего советского пространства в огромную трудовую семью Журбиных, с мыслью о торжестве трудового пролетариата. «Отклонение» от принципов журбинского дома является непростительным. Так, Илья Журбин «выговаривает» Алёшке за его легкомысленное отношение к коллективному сознанию, за его неверное поведение по отношению к таким же рабочим, как и он: «Я правильно ему, мальчишке, толкую. Мальчишка он, зазнайка! Слушаю тут на днях по радио: лекция Алексея Журбина! Что болтает? “Я взял... я устроил... я подумал... Модернизированный молоток... Скоростная клепка...”. Опять “я” да “я”» [4, с. 165].

В заключение отметим, что в 1930–1950-х гг., фактически в период апогея соцреалистического искусства, именно семейная хроника становится едва ли не единственной разновидностью романной формы, наследующей классические традиции семейного романа и сохраняющей его ключевые свойства (линейность повествования, соотнесение событий романа и событий истории, особую роль хронотопа дома, принципиальность мотива рода, генетической памяти).

Примечания

1. Джиева А. Т. Специфика преломления традиции семейного романа в «Стрекозе, увеличенной до размеров собаки» О. Славниковой // Вестник ННГУ. 2016. № 1. С. 205–209.
2. Джиева А. Т., Осьмухина О. Ю. Специфика преломления темы рода в отечественной массовой литературе рубежа XX–XXI вв. // Русский язык в контексте национальной культуры: сб. материалов Межрегион. науч.-практ. конф. (24–25 мая 2016 г., г. Саранск) / редкол. Ю. А. Мишанин, О. Ю. Осьмухина, Е. А. Казеева. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2016. С. 74–79.
3. Закаблукова Т. В. Семейная хроника как сюжетно-типологическая основа романов «Чураевы» Г. Д. Гребенщикова и «Угрюм река» В. Я. Шишкова: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Красноярск, 2008. 20 с.
4. Кочетов В. А. Журбины: роман. М.: Сов. Россия, 1980. 386 с.
5. Марков Г. М. Строговы: роман. Кишинев: Лит. артистикэ, 1987. 575 с.
6. Осьмухина О. Ю. Специфика воплощения темы рода в отечественной прозе рубежа XX–XXI вв. // Вестник ННГУ. 2015. № 1. С. 286–289.
7. Осьмухина О. Ю. В поисках утраченной толерантности. Людмила Улицкая // Вопросы литературы. 2011. № 1. С. 144–158.
8. Шишков В. Я. Угрюм-река: роман. М.: Худож. лит., 1982. 892 с.